

ТЕАТР

В С Е
НАЙТИ
В
С Е Б Е

ДВОЕ юных, восемнадцатилетних влюбленных, запутавшихся, испуганные, но счастливые, вместе с компанией друзей-студентов пытаются решить вопрос, как жить? Взрослые, будто сговорившись, стараются запретить им любить друг друга... И тогда они останавливают Прохожего и требуют от него, чтобы он решил их сомнения, определил неопределенность, развеял страхи, научил, что делать.

Прохожий — самый обыкновенный, неприметный мужчина средних лет: темное пальто, каракулевая шапка пирожком, в руке авоська — останавливается, задумывается... Потом садится на скамейку, жестом приглашая молодежь последовать его примеру... И вот он начинает говорить. Говорит о любви, как о необыкновенном чувстве, о любви, как о чуде, которое, если уж оно придет, то осветит всю жизнь человека, и ему покажется, что будто вырвался он из темного тоннеля на яркое солнце...

Дело не в словах, которые произносил Прохожий. Его монолог каждый может при желании прочитать в пьесе М. Рошина «Валентин и Валентина», шедшей в Тульском драматическом театре несколько лет назад. Обаяние монолога заключалось в том, что артист с первых же слов повлек за собой слушателей в некую высоту, заставил оторваться от земли, забыть о мелком, бытовом, заставил думать о высоком, прекрасном и вечном. Прохожий был человек романтический, живущий высокими категориями. Артист Владимир Андреевич Башкин заставлял зрителей поверить в это сразу, сумев обрисовать человеческий характер в трехминутном эпизоде...

Дебютировал В. А. Башкин на тульской сцене в 1968 году в роли Дженнаро в пьесе Э. де Филиппо «Человек и джентльмен». Пресса отмечала тогда его «поразительную по достоверности, живописности и обаянию фигуру», одновременные великолепие и жалость, «детскую беззаботность и неистребимую жизнестойкость» созданного им образа, неотразимость типа подлинного «маленького человека».

Сочетание комедийного и трагического в этом образе, многоплановость, сложность характера привлекли артиста, сделали этот образ одним из наиболее любимых.

Затем был «святой отец» Дон Диего в пьесе М. Фриша «Любовь к геометрии», Градобоев в «Горячем сердце» А. Н. Островского и ряд других ролей, постепенно утвердивших в зрительском восприятии амплуа В. А. Башкина как комедийного актера.

И вдруг — акцизный чиновник Монахов в «Варварах» М. Горького. Маленький, шуплый, весь какой-то скользкий и неуловимый, Монахов, казалось, старался нивелироваться, исчезнуть, понимая всю свою ничтожность и ненужность рядом с ослепительной и презирающей его женой. Старался, но не мог и оттого то и дело неожиданно возникал рядом, хихикал, потирал ручки, чуть ли не провоцируя любовную атмосферу, струящуюся вокруг Надежды. Он глубоко страдал, но был жалок и противен, и в то же время в нем ощущалась какая-то злая сила, и любовь, и решимость... Его работа потрясала, ранила душу, не давала покоя...

— Я эту роль любил, — говорит Владимир Андреевич. — Я хотел показать в ней большую, настоящую трагедию никому не интересного человека. Кроме того, мне чисто по-актерски было интересно создать многоплановый характер, прельщала объемность образа, возможность показать одного человека в разных плоскостях, работать на контрастах.

Работать на контрастах. Действительно, теперь, после десяти лет работы В. Башкина в Туле, видишь широту его творческого диапазона, кажущуюся легкой доступность ему очень разных, не похожих ролей. В «Характерах» (В. Шукшин) он сыграл безалаберного, ершистого мужичонку, который пришел помыться по-соседски к Хозяину бани и огорода. Один короткий разговор у калитки, но какими разнообразными красками расцветил актер созданный им характер! Тут и бесхозяйственность мужика, но тут и чисто русская удаль, широта натуры, и подкупающая честность, и бесшабашность, и подано все это было с неподражаемым комизмом...

Но вот тоже В. Шукшин, но другой. Написанный не с любованием — с отвращением и ненавистью: «Энергичные люди». Его Аристарх, махровый воруго, «философствует», доказывая собутыльникам, таким же, как он, мошенникам, что государство специально списывает 15 процентов своего дохода на воровство; он храбрится, кичится богатством, опивается коньяком... Но его обвисшие плечи, то приседающая, то приплясывающая походка, тонкий голос, вздрагивания, оглядки, замиранья — все выдает леденящий страх жулика, ждущего «того самого» звонка...

— Не сродни ли чуточку этот Аристарх вашему Лалаеву? — спрашиваю Владимира Андреевича.

— Ни в коем случае, — отвечает он. — Лалаев не сомневается, что он нужный, правильный, даже государственный человек...

Итак, одна из последних работ В. А. Башкина — Аркадий Павлович Лалаев, начальник конторы, называемой «Резиновые изделия», — пьеса Леонида Зорина «Незнакомец», спектакль поставлен в конце прошлого сезона.

...Перед нами типичная контора с десятком обшарпанных столов. На часах — 9, вбегают, торопяся сотрудники, за ними деловой, энергичной походкой входит начальник, Аркадий Павлович Лалаев — В. Башкин. Он встает в центре, подчиненные окружают, преданно глядя в глаза начальника. Лалаев простирает руки в стороны над головами сотрудников, как бы благословляя их, бодро и радостно говорит: «Работать, работать!» — и проходит в свой кабинет...

На его рабочем столе ослепительно пусто и чисто. Он садится... Долго в задумчивости смотрит в пространство... Поворачивается в кресле спиной к зрителю. Как-то весь обмякает, опускается, делается меньше... И вот раздается хриплый, с причмо-

киванием. Входит секретарша. Лалаев мгновенно, отработано просыпается и столь же автоматически, но с апломбом произносит: «Задумался!»

Разные вариации сонного или суежливого безделья представлены в этой конторе. Кажется, благоденствию не будет конца — так прекрасно налажена, смазана и надежно запущена машина, работающая вхолостую...

Лалаев царит. За два действия мы увидим его разными: он добродушно, с ничинным смешком объясняет предпологаемому посетителю, что адресоваться к вышестоящему начальству — ни-ни, избави бог! К заму — можно, на бланке... Деловито обсуждает с приближенными сотрудниками, как организовать его, Лалаева, юбилей (50 лет!), и удобно ли принимать подарки (спрашивает, заранее уверенный, что кинутся его уговаривать)... И так далее — в подобной «деятельности» проходит время, несколько раз прерываемое храпом. Лалаев, кажется, весь окутан абсолютно непробиваемой броней покоя, удовлетворенности, уверенности в собственной важности. А что, собственно, ему волноваться? План выполняется, премии идут, покрывки на складе всегда есть — конечно, для кого надо...

— Как вы его делали, этого великопленного Лалаева? — спрашиваю Башкина.

— А мало мы видели таких деятелей «при портфеле» в жизни, неподступных, исполненных важности? — отвечает он. — Я видел их достаточно. Вчера они завсдавали баней, сегодня — городским сквером, завтра со спокойной душой возьмутся руководить научно-исследовательским институтом, лишь бы быть в кресле и на виду у начальства. Сомнений в своей профпригодности у них не ищите. «Назначили — значит соответствую»; — вот кредо таких бездельников. У них только один страх — потерять кресло, потому что делать-то Лалаевы не умеют ничего, они только «руководят». Я и представил себе задачей показать типичность этого характера. Эти Лалаевы безобидны только на первый взгляд. Лалаевщина очень опасна — приверженность к рутине, косности, ненавистью к живой мысли, к стремлению честно работать...

Лалаев Башкина не все безмятежен. И он заволновался, испугался, когда появился Незнакомец со своими тестами. Вот тут Лалаев, наверное, впервые в жизни не спал ночь. Он пришел в контору неузнаваемой (Второе действие). В Башкин будто стал ниже ростом, у него появились мешки под глазами, изменилась по-

ходка, в голосе появились заискивающие ноты... В конце концов мы видим и сердечный приступ. Но едва опасность миновала (оказалось, о профпригодности Лалаевых вопросов еще не стоит, это в далекой, ему лично не страшной перспективе), как Лалаев вновь обретает форму, становится еще более самоуверенным, спокойным и, главное, убежденным в своей незаменимости...

Такие разные характеры. «Откуда вы все это берете?» — спрашиваю Башкина.

— У себя, — отвечает он. — В каждом человеке, если покопаться, есть все: и доброта, и злость, и щедрость, и жадность, чего только в нем не намешано. В разных обстоятельствах мы — разные. А если в человеке чего-то совсем нет, ну, хотя бы способности ненавидеть; он, по моему убеждению, неполноценен. Значит, надо найти в себе нужную черточку, вытащить ее на свет божий, преувеличить... Это, так сказать, мой рабочий метод. Он, как я думаю, и создает органичность характера, если она есть, конечно — зрителю виднее...

В заключение — традиционный вопрос: в каких пьесах хотелось бы играть Владимиру Андреевичу, какие роли?

— Мне хочется играть в классических пьесах. В них ни с чем не сравнимый простор для творчества, глубина и многогранность характеров. Я, кажется, переиграл все у Рацера и Константинова, мне хочется глубокой роли, как противоядия. Я бы еще сыграл в Горьком. Знаете, очень многие актеры любят играть в пьесах Горького — есть мысли, есть глубина, есть жизнь — чего еще хочет артисту?

Вечером в Тульском драматическом — очередной спектакль.

Заслуженный артист РСФСР В. А. Башкин сыграл много, стал, можно смело сказать, мастером. Удивительная органичность каждой его работы отмечается всеми. Когда видишь его в первый раз, кажется, что перед нами редкое попадание актера на роль. Но увидев десятки его работ, и ни в одной не заметив, как говорится, ни единого шва, когда не видишь актера, а лишь живую, настоящий характер, понимаешь, какое это незаурядное явление — В. А. Башкин. И, тем не менее, его требовательность к себе не уменьшается. Как мучился и страдал он над каждой новой ролью в начале артистической карьеры, дважды бросал театр, сомневаясь в своем призвании, так же бесконечно работает он над ролью и сегодня, ища в каждой человеческие глубины и способы их интересного, полного раскрытия.

Л. НОСКОВА.